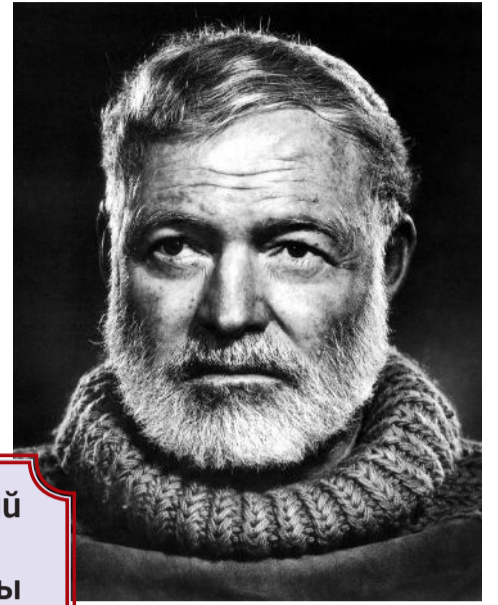


## ДВА ВЕЛИКИХ ПИСАТЕЛЯ. ЧТО ИХ ОБЪЕДИНЯЕТ? ИЛИ КУДА ИНТЕРЕСНЕЕ, ЧТО ЖЕ ИХ ОТЛИЧАЕТ?



1934 год. Выходит первая книга Уильяма Сарояна «Отважный юноша на летящей трапеции».

В принципе, на этом история могла и закончиться, если бы не одно НО. Среди рассказов данного сборника особенно выделен один. Он носил название «Семьдесят тысяч ассирийцев». Небольшое упоминание Эрнеста Хемингуэя в одном из абзацев с долей юмора, присущей армянам, дало искру. Искру, что впоследствии зажжет огонь между двумя титанами мировой литературы. Огонь, который еще долго не будет утихать в их сердцах.

«— Я — армянин». Это ничего не значащие слова, но они ждут их от меня, и я их произношу. Я понятия не имею, что значит быть армянином, англичанином, японцем или кем-либо еще. У меня слабое представление о том, что значит жить. Это единственное, что очень меня интересует. А еще теннис. Надеюсь когда-нибудь написать великий философский трактат про теннис, нечто сравнимое со «Смертью после полудня», но я осознаю, что еще не готов взяться за такой труд. Я чувствую, что насаждение тенниса среди народов мира будет в значительной степени способствовать искоренению расовой розни, предрассудков, ненависти и так далее. Как только я доведу до совершенства подачу и свечу, надеюсь начать описание этой замечательной игры.

(Некоторым утонченным натурам может показаться, будто я высмеиваю Хемингуэя. Не высмеиваю. «Смерть после полудня» — добротная написанная проза. Мне и в голову не пришло бы цепляться к ней как к прозе. Я даже не могу придираться к ней как к философии. Я считаю ее более изящной философией, чем философию Уилла Дюранта и Уолтера Питкина. Даже когда Хемингуэй вальяжно дурачит, то делает это по крайней мере безупречно. Он повествует о том, что происходит на самом деле, и не позволяет мимолетности происходящего делать его повествование торопливым. Это многого стоит. Это достижение в области литературы — неторопливо излагать события, суть и значение которых скоротечны.)



Эрнест Хемингуэй в Париже во Франции. Июль 1953 г.

ся новый писатель. На первый взгляд, размером не больше ладони, это любопытное явление обещает перемену погоды, а может, и циклон», — отмечает американский журнал «Time».

«Новое громкое имя в жанре короткого рассказа — САРОЯН! Вот уже много лет ни один автор коротких рассказов не вызывал такого всеобщего интереса и оживления. Он — самый обсуждаемый и востребованный молодой писатель в Америке. Его талант так же ярк, как у Фол-

друга, а испытывают взаимное глубокое уважение. Сароян так говорил о своем «оппоненте»:

«Хемингуэй — самый великий англоязычный писатель. Он писал так, словно это Ветхий Завет. Человек вошел в город и вышел из города. Многие пытались писать так просто, но никто не смог».

Интересным является и то, что идеи, которые доносили писатели через свои произведения, были довольно похожи. И Сароян, и Хемингуэй писали о силе духа человека. Герои произведений обоих писателей — простые и настоящие люди, сталкивающиеся с силами, над которыми у них нет власти. Жизнь показана такой, какая она есть. Жизнь может и долж-

уничтожить, но его нельзя победить».

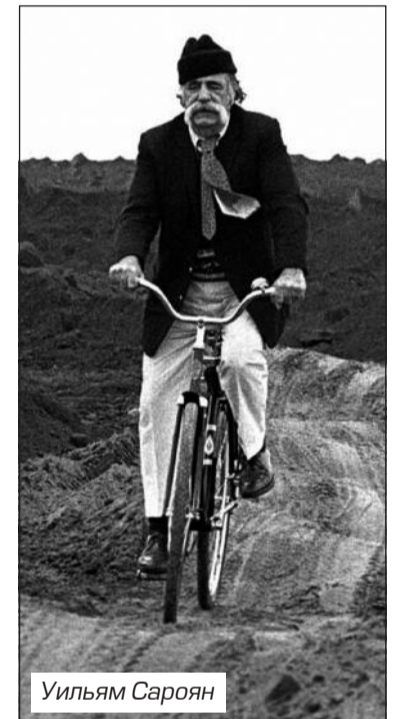
«Человеческая комедия» Сарояна наполнена надеждой и верой в лучшее будущее, вопреки войне, вопреки смерти.

«Мистер Гроген продолжал, хотя рот его и был набит кокосовым кремом:

— Как ты думаешь, на земле станет лучше после войны?

Гомер секунду подумал, а потом сказал:

— Конечно, сэр.



Уильям Сароян

— Ты любишь кокосовый крем? — спросил его мистер Гроген.

— Конечно, сэр, — сказал Гомер».

Весьма интересно сравнил двух писателей литературный клуб Елакет:

«Герои Хемингуэя после победы с жизнью остаются непобежденными, герои же Сарояна — выходят победителями».

1961 год. Выстрел. Все-го одно нажатие на спусковой крючок лишило мир великого мыслителя: Эрнест Хемингуэй покончил с собой.

Сароян так прокомментировал эту трагедию: «Он не мог понять и не мог смириться с тем, что постарел. Жизнь надо принять и в жизни надо испытать все — и старость. Мне кажется, люди умирают потому, что хотят умереть. Не надо соглашаться умирать. Я, например, давно мог бы умереть, а вот живу».

Однако смерть настигла и его. В мае 1981 года мир потерял еще одного великого мыслителя — Уильяма Сарояна. А последними его словами были: «Каждому суждено умереть, но я всегда думал, что для меня сделают исключение. И что?».

О чем же эта история? О вражде некогда живших писателей? Или все же об особой любви и уважении двух великих умов, признававших друг в друге равных?

Или все же?..

Арам МАДАТЯН



Любимое кафе Хемингуэя «Клозери де Лила» в Париже

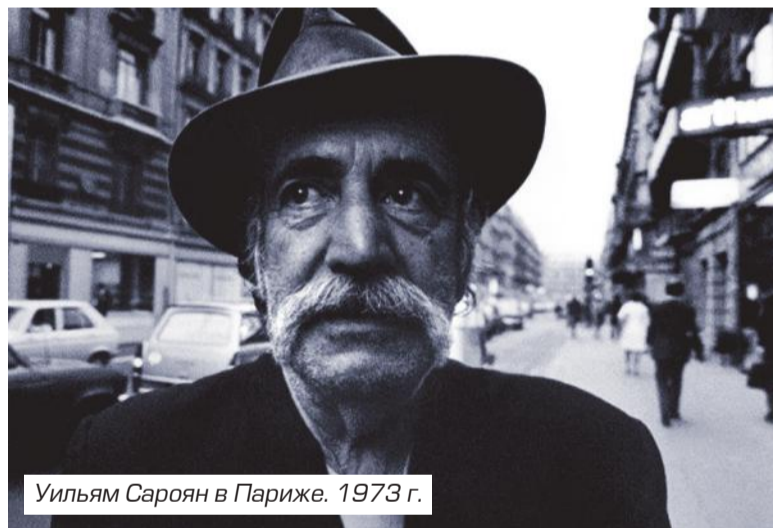
Ответ Хемингуэя не заставил себя ждать. 1935 год. Январь. В свет выходит очередной номер журнала «Esquire», где Хемингуэй разносит в пух и прах Сарояна. Это статья стала тем самым хворостом для искры, которую зажег молодой армянский писатель. А что дальше? А дальше огонь.

Тут и там начинает мелькать имя нашумевшего писателя.

«На прошлой неделе на американском горизонте появил-

кнера, Драйзера и Ларднера», — пишет издательство, анонсирующее выход книги Сарояна.

Проходит время. Когда-то только начинающий армянский писатель стал уже знаковой фигурой мировой литературы. Сменилось множество рассказов, пьес, романов, Сароян и Хемингуэй уже не раз успели встретиться, но кое-что так и не поменялось — ребяческая вражда двух мужчин на поприще литературы. Апогеем же их



Уильям Сароян в Париже. 1973 г.

вражды стала драка в одном из кафе во Франции, где до сих пор сохранилась табличка с надписью «Здесь дрались Хемингуэй и Сароян».

Дух соперничества сохранялся между ними до самого конца. Это было истинное соперничество в чистом его виде, где герои не ненавидят друг

на продолжаться... Это утверждают и Хемингуэй, и Сароян.

Повесть Хемингуэя «Старик и море», наверное, можно считать одним из литературных символов стойкости человека.

«Но человека не для того создан, чтобы терпеть поражения», — сказал он. — Человека можно



Картина Александра Дейнеки Хемингуэй в Париже. 1966 г.